

ЗАМЕЧАНИЯ НА ГЛАВУ ВОСЬМУЮ ⁷¹

Все, что говорит Милль о сочетании труда, совершенно справедливо; но каждый из читателей видит, что он забыл рассмотреть ту сторону последствий этого закона, которая относится прямым образом не к производству, а к производящему работнику, очень сильно отражаясь, впрочем, и на самом производстве, по его зависимости от качеств работника. Мы начнем анализ этой стороны дела с физиологических данных.

Человеческий организм представляет собою очень многосложную систему разных частей, физическое благосостояние которых связано общею зависимостью их от центральных органов дыхания и питания. Желудок и легкие, с принадлежащими к ним по физиологическим функциям частями, не принимают непосредственной доли во внешнем труде, но зато вырабатывают элементы, которыми поддерживается сила всех частей организма, работающих в материальном производстве. Сила желудка находится в прямой пропорции к общему развитию организма; она возвышается с его укреплением, падает при его ослаблении. Если общее состояние организма неудовлетворительно, желудок теряет силу вырабатывать количество крови, требуемое надобностями организма. То же надобно сказать и о легких: при ослаблении организма они теряют силу вдыхать и соединять с кровью такое количество воздуха, какое нужно для надлежащего окисления крови.

Далее физиология показывает, что для поддержания каждой части организма в здоровом состоянии нужна известная энергия и продолжительность работы для мускулов этой части. При излишестве работы мускулы слабеют; точно так же слабеют и при недостатке ее. За их расслаблением непременно следует нездоровье той части организма, которой принадлежат они.

Потому, для поддержания организма в удовлетворительном состоянии, нужно известное количество работы для мускулов всех частей организма. Характер работ, оказывающихся здоро-

выми, состоит в том, что они дают хорошее занятие мускулам всех частей организма. Таковы почти все работы на низких степенях экономического быта: разделение труда еще очень мало, потому каждый работник исполняет целый ряд операций, которые поочередно требуют усилия мускулов всех частей организма, заставляют работника часто изменять характер труда и положение тела. Возьмем в пример каждого из тех пильщиков леса, которые странствуют по нашим провинциальным захолустьям, не знающим лесопильных мельниц. Этот пильщик сам возится над точением своей пилы. Он же ставит и козлы для накладки брусьев. Он же взваливает и брусья на них, — потом возится над складыванием досок для просушки: — скольких разных положений тела, скольких разнообразных усилий разных мускулов требуют эти части его дела! Посмотрим и на главную часть его занятия, собственно на пиление бруса. Тут он тянет пилу руками и при каждом взмахе ее качается всем корпусом, так что сильно работает весь спинной хребет; эти качания так сильны и требуют таких значительных перемен в силе, с какою он опирается на ноги, что очень значительно работают и все мускулы ног; пильщик то всюю силою поджимает колени, то всюю силою выпрямляет их; таким образом решительно весь его организм участвует в работе и весь пользуется нормальным ее последствием — укреплением сил. При общем развитии сил организма усиливается и желудок, усиливаются и легкие: если другие части организма требуют большого количества крови, то и эти центральные части получают способность выделять больше ее удовлетворительною переработкою большого количества пищи. (Разумеется, мы говорим только о тех случаях, когда работа ведется способом, удовлетворительным в гигиеническом отношении.)

Но читатель заметит, что такие работы, занимающие весь организм, принадлежат преимущественно низшим степеням производительных процессов. Чем более совершенствуется производство, тем одностороннее становится требуемый от работника труд. Возьмем в пример хотя то же самое пильное дело. Когда пила вместо человеческих рук начинает двигаться водою или паром и брусья под нее подкладываются также особым механизмом, а не человеческими плечами, вместо пильщиков, работающих всем организмом, нужны становятся работники, которые только наблюдают за действием механизма и разве по временам поправляют его легкими движениями рук, не требующими уже содействия ни спины, ни ног. Таким образом дело этих работников состоит уже в полном бездействии почти всего организма кроме рук, мускулам которых тоже приходится мало работы. Физиологические последствия такого положения очевидны: организм не достигает той крепости, какая давалась ему менее усовершенствованною формою того же производства. Но

тут, по крайней мере, еще нет надобности постоянно держать организм в положении, неудобном для питания органов. В большей части случаев усовершенствованные процессы производства соединены и с этим вторым условием, столь же невыгодным для организма. Почти на всех фабриках почти все работники остаются целый день в каком-нибудь одном и том же сидячем, сгорбленном, искривленном положении, работая лишь какими-нибудь двумя-тремя мускулами, между тем как остальное тело немеет от неподвижности, и питание в нем запирает от неудобного положения. При высоком разделении труда организм большей половины работников впадает в летаргию, от которой ослабевают и центральные части его: желудок становится плох, легкие остаются неразвиты, неизбежное последствие того — общая слабость питания, худосочие, расположение к грудным болезням.

Зато другая, по своей численности несколько меньшая, часть работников при высоком разделении труда получает занятия, требующие очень сильной деятельности мускулов, но лишь в некоторых частях организма или уже в количестве, превышающем нормальную силу организма. Одни должны, находясь в сидячем положении, вертеть колеса; другие вертят их в более здоровом положении, стоя на ногах, зато вертят вдвое большее количество часов, чем сколько мог бы без вреда для себя проводить организм в этом состоянии. Тут происходит нарушение здоровой пропорции между питанием и развитием разных частей организма, или также общее его расслабление.

Словом сказать, высокое разделение труда при нынешнем порядке производства, по которому каждый работник вечно остается при одной и той же частице дела, ведет к порче организма в огромном большинстве работников, находящихся при процессах усовершенствованного производства.

Таково чисто физиологическое последствие разделения труда при нынешнем экономическом порядке. Точно таково же его влияние на экономический быт работников.

Во второй книге Милля мы найдем подробные доказательства тому, что величина рабочей платы зависит от степени умственного развития работника и от величины затрат, какие были нужны работнику для приобретения той суммы технических совершенств, какими он владеет. Чем выше проводится разделение труда, тем проще делается операция, исполняемая каждым отдельным работником, тем меньше требует она в нем умственных сил, тем меньше нужно времени, чтобы достичь совершенства в ее исполнении; исключением служат только очень малочисленные обязанности общего надзора или соединения разных отдельных частей продукта в одно целое. За исключением этих немногих работников вся остальная масса, по самой сущности дела, должна подвергаться сокращению рабочей платы

соразмерно совершенствованию производительных операций. При машине почти все работники исполняют чисто механический труд; человеческое занятие, требующее ума и технического знания, имеет один, управляющий всем механизмом; потому совершенствование производительных процессов при нынешнем экономическом порядке необходимо ведет к упадку рабочего класса в экономическом отношении.

Напрасно защитники настоящего приводят в опровержение этого вывода множество цифр, доказывающих, по их уверению, что рабочая плата не понизилась или даже возвысилась в Англии, Франции и других передовых странах в последнее десятилетие. Во-первых, цифры, ими представляемые, почти все слишком недостоверны. (Мы еще будем иметь случаи подробнее говорить об этом ⁷².) Во-вторых, если бы они и были совершенно верны, они еще ничего не доказывали бы. Кроме разделения труда и других фактов, вредно действующих на рабочую плату при нынешнем порядке, развиваются в тех же обществах другие факты, имеющие противоположное влияние. Главный из них — развитие наук. Он служит общим источником всех других: благодаря ему совершенствуется техника, уничтожаются варварские учреждения и дикие обычаи, распространяется участие в гражданских правах на массу населения. Все эти изменения имеют тенденцию улучшать положение общества, в том числе и работников. Если бы рабочая плата и возвысилась в последние десятилетия в Англии или Франции, это значило бы только, что размер полезных перемен был в этот период так значителен, что перевесил своим влиянием действие, оказываемое для нее разделением труда. Очень может быть, что люди в Петербурге живут теперь удобнее, чем жили в Москве при Василии Темном; следует ли из этого, что, переселяясь в Петербург, они переселялись в климат более удобный? Нет, видно только, что развитием цивилизации доставлены теперь в худшем климате такие удобства, каких не было и в хорошем при полном невежестве; а все-таки петербургский климат дурен: опровергнуть этого нельзя ни описанием великолепных домов, ни похвалами газовому освещению, — все это не относится к делу, норма тут совершенно другая, она дается метеорологическими наблюдениями над самим климатом, а не чем-нибудь другим, посторонним климату. Так и по вопросу о действии разделения труда на рабочую плату основанием должны быть наблюдения над самим принципом разделения труда, а не над какими-нибудь чуждыми ему обстоятельствами и не над такими фактами, которые произведены действием других сил. Упрощается ли каждая отдельная операция от разделения труда? Меньше ли бывает нужно подготавливаться к ней, меньше ли нужно сообразительности и знания, чтобы исполнять ее? — Да, упрощается; да, меньше. Меньше ли бывает плата за работу, для которой нужно меньше

ума, знания, технической подготовки? — Да, меньше. Вот попробуйте доказать, что эти выводы несправедливы, тогда вы докажете, что разделение труда не имеет неизбежной тенденции к понижению рабочей платы; а пока вы не опровергли этих выводов, не помогут вам никакие сравнения нынешней рабочей платы с прежней.

Таким образом вредное действие разделения труда на экономический быт и на самый организм рабочего сословия при нынешнем порядке дел не подлежит сомнению. Это факт, равняющийся своею достоверностью математическим теоремам, потому что он состоит только в приложении к данному вопросу простых истин: нездоровое для человека вредит здоровью, за меньшее количество платится меньшая сумма. Но с тем вместе остается столь же несомненным, что для человеческого благосостояния нужно усиление производства, а возрастание производства требует разделения труда. Что ж мы имеем теперь? Мы имеем две формулы, соединение которых дает тот вывод: элемент, развитие которого необходимо для благосостояния, гибелен для массы людей своим развитием.

Мы увидим, что к подобному выводу сводятся почти все вопросы политической экономии. Долго недоумевали мыслители, как разрешить эту антиномию. Сначала им показалось, что она неразрешима, и знаменитейший приговор в этом смысле был произнесен Мальтусом: страдания — неизбежная участь массы. Но теперь вся штука разъяснилась иначе. Посмотрим, например, в чем заключается для физиологической стороны человека решение частной антиномии, занимающей теперь нас. (О том, как она разрешается с экономической стороны, что нужно для предотвращения вредной тенденции разделения труда понижать рабочую плату, мы поговорим, когда будем рассматривать вопросы о рабочей плате, в 2 и в 4 книгах).

Разделение труда необходимо. Так, но следует ли из этого необходимость отдельному работнику заниматься целый день, целую жизнь именно только трудом над известною дробною операциею? Этого принцип разделения труда вовсе еще не предполагает. Напротив, чем выше проводится разделение труда, тем легче становится одному человеку поочередно заниматься множеством разных дробных операций. Не легко одному человеку быть и хорошим портным и хорошим сапожником, потому что в этих производствах еще очень слабо разделение труда и ряд операций, налагаемый необходимостью дела на одного работника, очень многосложен, так что порядком приучиться к нему — вещь очень долгая и трудная. Но обратимся к примеру, который дает нам Адам Смит — к булавочному производству. Один работник тянет проволоку, другой прямит ее, третий режет. Разве вы не видите, что операция каждого из них может быть в совершенстве усвоена в очень короткое время?

Нельзя поручиться, чтобы самый способный человек в полгода выучился сапожному ремеслу; но тянуть проволоку каждый выучится в пять минут — ведь вся мудрость только в том, чтобы держаться обеими руками за клещи и тянуть их к себе. Или мудренее того резать проволоку? Ведь ножницы сделаны так, что куски нужной длины отмериваются сами собой, надобно только одною рукою держать проволоку, а другой рукой поднимать и опускать ходящую половину ножниц. Это такие операции, о которых нельзя и говорить, чтобы они исполнялись хорошо или худо, искусно или неискусно: нет человека, который бы, — не говорим: не был в состоянии исполнить их в совершенстве, — нет, этого мало, надобно сказать: который был бы в состоянии исполнить их не в совершенстве. Понятие искусства нейдет к ним, как нейдет к уменью носить ложку в рот, или пить, или дышать. Даже понятие обучения почти совершенно нейдет к таким вещам: учиться тут нечему — слишком просто. Или возьмем пример выделки игорных карт, представляемый Сэ. Если бы производство это не было доведено до высокого разделения труда, нужно было бы очень долгое учение, чтобы человек сумел порядочно выделать бумагу и нарисовать на ней бубнового валета. Но теперь совсем не то: машина складывает листы и клеит их; вот один человек берет листы и относит на сушильную, другой приносит высохшие листы в мастерскую, третий берет принесенные листы и поочередно кладет их на стол, четвертый водит по столу машину, которая сама режет лист на ровные четырехугольники, пятый собирает эти четырехугольники и т. д. и т. д. Опять дело каждого упрощено до последней крайности, так что человек, в первый раз пришедший на картонную фабрику, через четверть часа сумеет отлично исполнить какую вам угодно из всех операций, производимых на ней.

Что ж из этого следует? Опять не следует ничего такого, о чем даже стоило бы и рассуждать умным людям, потому что вывод ясен без всяких рассуждений по чрезвычайной своей простоте: при высоком разделении труда нет работнику никакого затруднения поочередно переходить от одной операции к другой, меняя их так, чтобы организм его поочередно работал всеми частями, поочередно находился в разных положениях, чтобы разнообразием сохранилось его здоровье. Если каждый день по двенадцати часов в течение многих лет будет человек все резать проволоку, он непременно испортит здоровье; но пусть, в эту неделю резав проволоку, он в следующую неделю тянет ее, а на третью неделю пусть носит листы картона на сушильную картонной фабрики и т. д. и т. д.; через два, через три месяца не вредно будет ему возвратиться к резанию проволоки и опять идти тем же кругом переменных работ, а пожалуй, и каким-нибудь другим кругом каких-нибудь других работ, потому что подобных работ целые сотни может поочередно исправлять один

и тот же человек без всякой растраты времени и материала на свое обучение им.

Этому разнообразию нисколько не мешает самый принцип разделения труда; напротив, он ведет к нему. Он должен выводить человека из монотонности одного занятия в живую смену разнообразных занятий, чего и требует гигиена.

Но совершенно иная вещь вопрос о том, не противно ли такому требованию гигиены экономическое устройство нынешних фабрик? Просим читателя заметить, что мы говорим не о материальном устройстве, не о технической стороне производства, а именно только об экономических отношениях, по которым оно ведется. Очень может быть, что фабрикант не в силах допустить такого непостоянства занятий у своих работников; очень может быть, что ему необходимо, чтобы каждый работник постоянно занимался одною известною операциею, что только при этом условии возможно фабриканту сохранять правильность в своих оборотах и порядок на своей фабрике. Это дело, которого здесь мы еще не должны касаться: пока мы еще говорим только о законах производства, а не о том, как устроены нынешние фабрики; мы еще не знаем даже, что такое фабрикант. Пока мы знаем только, что принцип разделения труда сам по себе очень согласен с физиологическими потребностями человеческого организма, и можем только заключать из этого, что если бы нашлась в действительности какая-нибудь форма производства, противная гигиеническим условиям, то вред человеческому здоровью наносился бы собственно этою формою, а не принципом разделения труда, только неудачным, односторонним его применением, а не сущностью его.

Несообразность гигиенических требований с условиями, нужными для ведения производства по известной форме экономического устройства, — первая причина тому, что разделение труда, само по себе легко становящееся источником здоровья, оказывается вредным для него в известных обществах. Можно указать еще другое обстоятельство, оказывающееся также вредным для здоровья. Когда платье для всех членов семейства шили женщины того же самого семейства, — жены для мужей, дочери для отцов и каждая для себя, работа эта не вредила здоровью, потому что каждая, занимаясь шитьем, занималась кроме того множеством других дел, представлявших нужное для здоровья разнообразие. Но вот введено в общество некоторое разделение труда, образовались особенные профессии портных и швей, — людей, которые одно только и делают, все шьют и шьют. Это профессии нездоровые. Но зато вспомним, на высокую ли степень возведено в них разделение занятий? В них почти нет машин, нет почти никаких даже простых орудий, кроме иглы и наперстка. Все работники делают одно и то же, кроме одного закройщика. Это простое сотрудничество, а не разделение заня-

тий, составляет громадный выигрыш для производства. Столь же важна другая выгода такой формы деятельности работника. При разнообразии занятий он будет иметь более широкую сообразительность, умственные силы его будут развиваться от работы, а не тупеть, как тупеют при ограничении всей деятельности его одною упрощенною до машинальности операциею. Подумаем только, может ли быть какое-нибудь сравнение, по изобилию материалов для умственного развития, по богатству промышленной опытности, по догадливости между работником, который бывал и на полевой работе, и на ткацких фабриках и на постройках, и в ремеслах, и между таким работником, который всю жизнь просидел у одного колеса одной машины на одной фабрике? Тут разница такая же, как между человеком, изъездившим вдоль и поперек Россию, и другим, который носа не вы-

заний (Мещофанти, ставивший амбицию в том, чтобы выучиться писать на шестидесяти языках, на всех шестидесяти писал очень плохо; но несколькими языками владеть очень хорошо может выучиться каждый, кто захочет); но точно так же вредно для успеха самого дела, если человек уже слишком сузит круг своих занятий (человек, вовсе не знающий иностранных языков, не может хорошенько понимать грамматических правил и своего родного языка и почти никогда не умеет порядочно писать на нем). Слушая утрировку, до какой возводят требования специализма в работнике тупые повторытели Смита, невольно вспоминаешь афоризм Прутков: ⁷³ «Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». Разнообразие занятий развивает сообразительность, а при сообразительности всякое дело идет лучше, чем без нее.

«При обучении тратится некоторое количество материала и времени». Мы уже говорили, что нужно пятнадцать минут времени на обучение какой-нибудь отдельной операции в производствах, достигших высокого разделения занятий, а материала тратится тут на грош. Ведь надобно помнить, о чем идет дело. Не о том, чтобы портной был вместе и сапожником, а лишь о том, чтобы не всю свою жизнь проводил фабричный работник в верчении одного колеса. Если от разнообразия занятий продлится хотя на один день жизнь работника или хотя одним днем болезни будет меньше в его жизни, экономический выигрыш будет несравненно значительнее всей растраты времени и материала на его обучение нескольким операциям, достаточно разнообразным для отвращения вредных последствий, какими ныне отражается разделение занятий на организме работника.

«Обучение пойдет скорее, если ученик не развлекается от обучения одному делу обучением другому». Так, только опять с прежним прибавлением: всему есть граница. Развлечение внимания вредно, но еще вреднее, когда внимание тупеет от монотонности. Если бы нас, образованных людей, не учили одновременно нескольким разным наукам и искусствам, а учили бы, чтобы не развлекать внимание, в нынешнем году одной только математике и больше ничему, в следующем году одной только грамматике и больше ничему, конечно, мы еще хуже нынешнего знали бы то, чему нас хоть как-нибудь выучили; а если бы кого-нибудь из нас вздумали все учебное время продовольствовать одной грамматикой, изгнав из нашего курса все другие науки, этот несчастный ученик, вероятно, не сделался бы ничем, кроме как олухом.

«При переходе от занятия к занятию теряется время». Надлежащие границы этому соображению удовлетворительно определены у Милля; не мешает, впрочем, точнее определить, о чем идет речь. Если человек, две минуты проработав долотом, должен следующие две минуты работать топором, потом вслед за тем переходить на две минуты к работе рубанком, — разумеется, времени

совывал за шлагбаум своего уездного города. А мы отчасти уже видели, еще яснее увидим впоследствии, что решительно ни один из элементов успешности производства не имеет такого громадного значения, как степень умственного развития в работнике. Климат, почва, запасы капитала, самая крепость физических сил — все это ничтожно по сравнению с развитием мысли. Из этого развития все возникает, все достигает только той величины, какая сообразна с ним, все поддерживается только им. Потому важнейшим препятствием к развитию производства надобно считать те формы, которые неблагоприятны умственному развитию работника. Впоследствии мы займемся разбором того, какие формы экономического устройства благоприятны, какие неблагоприятны развитию этого важнейшего элемента успеш-

у него пропадет бездна. Вот именно в том и состоит одна из важных выгод разделения занятий, что оно устраняет эту ежеминутную суетню над новыми приемами и орудиями. Но ведь для здоровья нужно вовсе не то. Долее нескольких часов человек не может работать без отдыха, довольно продолжительного: вероятно, не противно экономии труда, если работник два или три раза в день подкрепляет свои силы едой. Какая же будет трата времени, какое охлаждение в энергии труда, если он, занявшись до завтрака одним делом, займется после завтрака до обеда другим, а после обеда третьим? Переменять в день два-три занятия, — это, напротив будет выгодно для успешности каждого из них, а больше того перемен и не требуется.

«Сосредоточившись на одном занятии, человек скорее придумывает усовершенствования в нем». Милль недурно ставит границы и этому, но следует прибавить: а выгодно ли для придумывания усовершенствований, когда рутинность монотонной машинальности доводит работника до отупения? Притом же, если есть шанс для изобретений в постоянстве занятия, то еще гораздо больший шанс дается свежестью, самостоятельностью мыслей при занятии делом, еще не вошедшим в рутину. Большая часть изобретений были сделаны не специалистами. Сам основатель политической экономии, Адам Смит, по обязанности занимался нравственной философией, а не чем-нибудь вроде политической экономии, когда открыл принципы экономической науки.

«При разделении занятий выгоднее распределяются работы по степени сил каждого работника». Совершенная правда, но требование, которое мы выставляем, нимало не касается этой выгоды. Пусть человек, крепкий физическими силами, переходит по разным занятиям, которых не может исполнять ребенок, — так и следует.

«При разделении занятий извлекается наибольшая выгода из орудий: они не лежат праздно». Опять совершенная правда, которая опять нимало не нарушается нашим требованием. До обеда Петр тянет на булавочной фабрике клещами проволоку, а Иван режет ее ножницами; после обеда за ножницы берется Петр, а за клещи Иван, — клещи и ножницы все равно целый день в деле.

Все эти соображения так ясны сами собой, что решительно не стоило бы тратить на них бумагу; но что вы прикажете делать с отупевшими (от монотонной рутинности слишком узкого круга занятий) педантами, какими украшается ныне смитовская школа? Бедный Адам Смит, за что он, человек умный, подвергся несчастию носить имя учителя в устах нынешних французских экономистов? Они говорят такие вещи, что понадобится нам в какой-нибудь из следующих частей труда объяснять, что пища производится для еды, а ложка служит орудием при процессе еды. Попробуйте оставить без доказательств такие новые истины, и сотни голосов закричат: «какие неосновательные парадоксы! какое незнание первых оснований нашей науки!»

ности труда. Теперь мы обратим внимание еще на одно обстоятельство.

Степень, до которой может быть доводимо разделение занятий в данное время, в данном месте, определяется размером рынка для сбыта производимых товаров. Это совершенная правда; но должно прибавить, что размер рынка, потребный для известной высоты в разделении занятий, бывает различен при разных формах производства. Для ясности мы предположим такой случай. Пусть для наибольшего разделения занятий, то есть для успешнейшего производства, нужен ткацкой фабрике размер, при котором требуется 100 работников. Положим, что в данном обществе, в данное время, развилась такая форма производства, при которой ткач шелковой материи не может уже заниматься ничем кроме этой отрасли дела, ткач бумажных материй также. Ясно, что нужны будут две особые фабрики, одна для бумажных, другая для шелковых материй, и нужен такой размер рынка, который потреблял бы полное годовое производство товаров той и другой фабрики. Но пусть размер рынка будет вдвое меньше, — тогда при форме производства, не допускающей разнообразия занятий, невозможно существовать двум этим фабрикам, имея по 100 работников; каждая из них не может иметь более пятидесяти работников, то есть принуждена будет остановиться на гораздо менее высокой степени разделения занятий, иначе сказать, должна вести свое производство гораздо менее усовершенствованным и успешным процессом. Но предположим, что была бы принята в этом обществе другая форма производства, допускающая поочередный переход одного работника по разным занятиям; тогда было бы очень удобно быть одной фабрике, которая половину года ткала бы при труде 100 работников бумажные материи, а другую половину года в таком же размере шелковые материи. Правда, обращение фабрики от выделки бумажных тканей на выделку шелковых и наоборот, каждый раз требовало бы некоторого расхода; но этот расход совершенно ничтожен по сравнению с выгодой, получаемой от большого развития труда. Здание фабрики не требует для такого перехода никаких переделок, паровые машины также не требуют, большая часть ткацких механизмов и других рабочих орудий также одинаково годится для обоих производств; орудия, которых нужен будет двойной комплект, имеют ценность совершенно незначительную с этими огромными ценностями, расход на подстановку одного комплекта этих орудий на место другого при перемене производства также будет совершенно ничтожен по сравнению с огромными расходами на полугодовое содержание фабрики. Эти ничтожные прибавки, решительно незаметные в общей сумме расходов, дают возможность сделать то колоссальное сбережение в основном капитале, какое происходит от замещения двух фабрик одною, и доставить

производству те громадные выгоды, какие получаются от вдвое большего разделения занятий, то есть от усовершенствования процессов производства вдвое больше прежнего.

Эта гипотеза показывает нам еще новую сторону выгоды форм благоприятных и невыгоды форм неблагоприятных сочетанию разнообразных занятий в деятельности одного работника. Мало того, что разнообразие занятий заменяет хилого работника здоровым, тупого сообразительным: оно дает также возможность при каждом данном размере рынка доводить разделение занятий, то есть усовершенствование производительных процессов, до степени гораздо высшей, чем какая возможна без поочередного занятия одного и того же работника разными операциями.